

собственного духовного опыта) на житіе Екатерины. то встретилъ рѣшительный и единодушный отпоръ: для слушателей казалось нелѣпностью общеніе съ „мертвецемъ, давно сгнившимъ“. Самосознаніе Екатерины и ей подобныхъ лицъ, опирающихся въ своей нравственной жизни на Христа распятаго и *воскресшаго*, представлялось *самообманомъ*. У меня осталось впечатлѣніе, что это — *ваша* мысль. .А. Н.—чь. Да и трудно, правду сказать, найти третье объясненіе, если не принимать того, которое предлагаютъ люди, свидѣтельствующіе о живомъ союзѣ своемъ съ Воскресшимъ.

Но любовь къ истинѣ позволить ли остановиться и на теоріи самообмана? Не придется ли тогда признать, что наилучшія движенія души человѣческой и высочайшіе акты воли порождены были самообманомъ, т. е. въ сущности неправдой?! Или, можетъ быть, самообманъ состоялъ не въ томъ, что люди мечтой своего воображенія умножали въ себѣ добродѣтели, а въ томъ, что эту *собственную, самодѣльную*, такъ сказать, добродѣтель мысленно связывали, безъ всякой нужды и выгоды для добродѣтели, съ своимъ фантастическимъ вѣрованіемъ въ „Воскресшаго Мертвеца“, питающаго ихъ своею плотью и кровью?

Но тутъ является новое затрудненіе. Какъ объяснить себѣ, что на разстояніи столькихъ вѣковъ люди различныхъ національностей, различнаго образованія, пола, возраста, общественнаго положенія подпадаютъ такому *странному* обольщенію, усваиваютъ, *очевидно не-нужное* и столь несвойственное „здравому смыслу“ вѣрованіе? Удивительно, что и развитіе такъ называемаго положительнаго знанія не освободило людей отъ этого историческаго, изъ вѣка въ вѣкъ переходящаго, кошмара: Паскаль, Гладстонъ, нашъ Владиміръ Соловьевъ — тому живые примѣры... Знаменательно также, что *тогдашніе* психологи оказываются въ спяскѣ этихъ, по вашему, безумцевъ, последователей Назарейской ереси. Чего стоитъ одинъ Псаакъ Сиринь, столько же превосходящій васъ (даже васъ, говорю безъ всякой про-